

Лети, песня!

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

Весной прошлого года Александра Николаевна Пахмутова к 50-летию пионерской организации написала «Отрядные песни». Хотя и на этот раз до премьеры композитор избегала говорить о новой сюите, все же «просочилось», что одна из песен... «про любовь». Она, пожалуй, и оказалась лучшей. И содержанием своим, и особым подходом к теме эта песня очень напоминала одну книгу. На родство с книгой указывало и название песни: «Дикая собака динго». Такое совпадение не могло быть случайным...

— Шел творческий вечер одного из старейших детских писателей, последний в его жизни, — рассказывает А. Н. Пахмутова. — Это был вечер Фраермана — автора замечательной книги «Дикая собака динго, или повесть о первой любви». Вся повесть вспоминалась мне тогда в подробностях. В памяти всплыло детство, впечатления от прочитанного, пережитое, множество всяких других ассоциаций, которые сложно пересказывать.

А потом началась работа: ассоциации и воспоминания с трудом материализовались в слова и звуки. Вот и все, — неожиданно закончила Александра Николаевна, — других «захватывающих» подробностей не было...

Теперь мне показалась заранее обреченной любая попытка написать о том, как рождается песня, особенно в репортаже. В тщетности ее убеждает даже историческая миниатюра Стефана Цвейга «Гений одной ночи», правда, написанная с совершенно противоположной целью. По словам писателя, только три часа в ночь с 25 на 26 апреля 1792 года отвела история капитану Роже де Лиллю для сочинения «Марсельезы». Срок можно считать вполне достаточным, чтобы на листе нотной бумаги записать песню.

Но, чтобы сочинить ее, нужна жизнь.

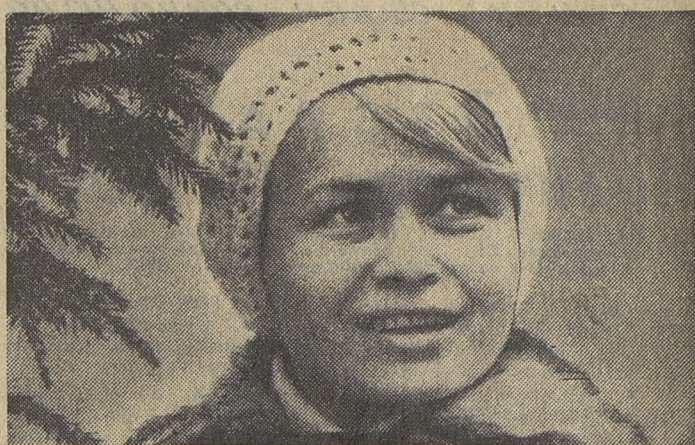
Тот, кто считает мысль эту спорной и требующей доказательств, пусть послушает еще и еще раз «Интернационал», великие песни Октябрьской революции.

...Передо мной небольшая компакт-кассета для магнитофона. На ней записаны песни Александры Николаевны Пахмутовой, те, что мы слышим в передачах радио, телевидения, в эстрадных концертах и которые сами поем, шагая в праздничных колоннах демонстрантов, в дружеском застолье. Сегодня они, пожалуй, с нами чаще, чем песни других композиторов, и расстаемся мы с ними труднее. На магнитной ленте «Тревожная молодость», «Прощание с Братском», «Нежность», «Созвездие Гагарина» — песни, без которых, кажется, мы сами были бы сегодня немного другими.

В настоящем произведении искусства всегда ощущаются почерк автора, его характер, а следовательно, и его судьба. Произведения А. Пахмутовой всегда индивидуальны, и отнюдь не случайно, что, когда композитор Дмитрий Кабалевский во вступительном слове сказал об одной из тем ее Концерта для симфонического оркестра: «А это сама Александра Николаевна» — все в зале заулыбалось, так как сразу стало понятно, о чем идет речь. Зная песни Пахмутовой, слушатели не без основания посчитали, что знают многое о ней как о человеке.

И все же в почте, которую получает она, часто встречается просьба рассказать о себе. Интуиция подсказывает авторам писем, что «корни яблони» имеют самое непосредственное отношение к «яблокам». Ведь песня возникает задолго до того, как появляется на свет. Она медленно зреет в глубинах души автора, в его сердце. Пройдет немало времени, прежде чем на чистый лист бумаги выплывут, скажем, такие песни, как «На Мамаевом кургане» или «Кто ответит?».

А «корни» Александры Николаевны — они в довоенном поселке Бекетово под Сталинградом, где отец в это время работал на ГРЭС. После работы Николай Андрианович весь вечер в клубе. Рисует, играет, жамкает на всех инструментах, но больше всего любит роль. На нем по слуху исполняет все — от народных песен до бетховенских сонат. Старожилы Бекетовки и сегодня помнят, как Николай Пахмутов сопровождал своей музыкой «немые» картины в клубе. «Патетическую» и «Лунную»

сонаты Бетховена, 6-ю рапсодию Листа. А впервые услышала в исполнении отца.

— В нашем поселке, — рассказывает А. Н. Пахмутова, — все друг друга знали и талантов от соседей не таили. Самодельность работала по самому высокому счету. Если ставили танцы на клубной сцене, то это был обязательно «Венгерский танец» Брамса или «Танец Анитры» Грига. Инженер, он же скрипач, выступал с «Мелодией» Глюка, певица пела романс Полины из «Пиковой дамы» Чайковского, а драмкружок играл «Любовь Яровую»... Однажды на вечере, посвященном памяти Владимира Ильича Ленина, и мы с отцом исполнили в четыре руки первую часть симфонии Моцарта...

22 июня 1941 года в Сталинградском драматическом театре проходила художественная олимпиада школьников. Ученица 4-го класса Аля Пахмутова сыграла «Вальс» собственного сочинения. После нее на сцену буквально выбежал ведущий и сказал всего два слова: «Товарищи, война!»

Через год семьи работников ГРЭС организованно уезжали в эвакуацию. Захватили с собой даже инструменты эстрадного оркестра. Обосновались под Карагадой, держались дружно — начали работать и даже музицировали. Але досталось играть на огромном аккордеоне «Красный партизан». Освоила его быстро. Когда в 1943 году все вернулись в Бекетово после разгрома фашистов под Сталинградом, там были аккордеоны разных размеров, и Аля быстро перешла на «трофейную технику». Стала выступать на улице перед домом — для соседей и для солдат соседней части, которые собирались вечерами послушать музыку.

Через несколько месяцев, осенью 1943 года, Аля Пахмутова держала экзамен в Центральной музыкальную школу при Московской консерватории.

— Пришла на прослушивание в телдгрейке, — вспоминает она, — положила ее на роль, а дальше — не помню, что было и что играла. Главное — приняла. Как сказал один педагог из комиссии: «За общую музыкальность».

В Москве в первый раз услышала «живой» симфонический оркестр, увидела его инструменты. Помню, фаягот мне показался похожим на миномет, с детства я уже хорошо знала, что это такое...

В ЦМШ мне повезло. В нашем классе учились очень сильные скрипачи и пианисты. В школе они дрались на перемених, гоняли мяч, как все ребята в таком возрасте. Но при этом музыка, профессия музыканта была для них святым делом. Они заставляли себя играть на инструменте по шесть — восемь часов в день.

В последних классах школы Аля Пахмутова стала много заниматься композицией и в консерваторию поступила уже на композиторский факультет к Фере, а затем перешла в класс Шебалина. Под его руководством написала свой диплом — «Русскую сюиту» для симфонического оркестра, кантату «Василий Теркин» для оркестра и хора... И все же известие о том, что Александра Пахмутова написала в 1972 году Концерт для симфонического оркестра, для многих было неожиданностью. Когда же его сыграли с большим успехом в Москве и Праге, удивились еще больше, даже те, кто хорошо знал «симфоническое прошлое» Александры Николаевны. Не раз, бывало, композиторы из мира серьезной музыки входили в песню. В этом нет ничего удивительного. Но вот возвращаться редко и не без потерь. О причинах этого Пахмутова говорит так:

— Работа над симфоническим произведением отличается от работы над песней не столько даже другим образом мысли. Это другой образ жизни, другой ее темп и ритм. Это огромный непрерывный процесс, требующий длительного, протяженного во времени внимания. А песня — она рождается и живет в водовороте событий, порой меняющихся с кинематографической быстротой...

Для госэкзамена была написана и «Походная кавале-

рийская» на слова Ю. Друниной, получившая первую премию на консерваторском конкурсе, но и ее успех еще не предвещал «песенного будущего» Пахмутовой. И хотя молодого композитора приглашают сотрудничать с редакцией советской песни Всесоюзного радио, а возможность быстро услышать свое произведение в записи так заманчива и перед ней устоять трудно, вечерами все еще продолжается работа над концертом для трубы и первой симфонией.

Решающей в судьбе Пахмутовой оказалась музыка к кинофильму «По ту сторону», для которого и была сочинена «Песня о тревожной молодости» на слова Л. Ошанина.

Фильм давно сошел с экрана, а песня осталась. Слишком много в ней оказалось связанным с жизнью, подвигами целого поколения советских людей, чтобы она могла бесследно кануть в Лету. Более того, она оказалась тем эмоциональным мостом, который объединил через полвека в одном строю героев революции, ветеранов гражданской и Отечественной войн, энтузиастов первых пятилеток с молодыми покорителями пелены, участниками великих строек — всех, кто мог бы начертать своим девизом слова этой песни: «Жила бы страна родная и нету других забот...»

Тогда же началась постоянная работа композитора с поэтами С. Гребенниковым и Н. Добронравовым. Не выезжая из Москвы, как говорят, «за столом», они вместе написали песню «Геологи», ее сразу подхватили. Родилась даже «легенда» о композиторе и поэте, которые ходят с геологами нехоженными путями и пишут для них песни.

— Это уже обязывало, — вспоминает Александра Николаевна. — Решили поехать и на месте разобраться в том, что такое романтика целины и Братска.

Результат поездки — цикл из 13 песен «Таежные звезды». Так был поднят новый песенный пласт, одно из главных качеств которого — достоверность.

В песне все должно быть подлинным — и мысли, и чувства. В этом не может быть никаких уступок. Поэтому в наши дни вслед за первопроходцами — изыскателями и строителями — отправляются композиторы и поэты. Не только потому, что стройки нуждаются в песнях. Творцы песен сами не могут обойтись без строек. Они стали как бы репортерами, пишущими эмоциональную хронику наших дней.

Александра Николаевна побывала во многих концах страны. У нее верные друзья на предприятиях, откуда ей шлют рапорты и где ее считают «почетным рабочим». Ее видели на морских базах, на аэродромах. Вместе с поэтами она рассказала о нелегком труде тех, кто учит летать самолеты, о рыбаках, уходящих на месяцы в океан, о тех, кто через леса и топи Сибири тянет линии электропередач. Сильно и мужественно она поведала о жизни, смерти и бессмертии Юрия Гагарина.

Куда бы сегодня ни уводили Александру Пахмутову за собой песенные маршруты и какие бы песни она ни написала завтра, знайте, что все они начинались в Бекетовке, маленьком рабочем поселке возле города-героя на Волге. Ведь песня долго вынашивается в глубинах человеческого сердца.

М. КАПУСТИН.

г. Москва.

Фото А. Канашевича.